
Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

О, кем же ты только не был —
даже склизким чудовищем
с отравленной черной кровью
и с глазами из жижи болотной,
в которой тонула память
и тусклые звезды грядущего
над гулкой грибницей крыш
в эпицентре войны коммунальной.

Был также сорным растением
под забором, что огородил
(эх, знать бы, с какой стороны)
кусоч нутряного пространства,
неся лоскуты слезшей краски
на старых березовых досках,
сколоченных по-библейски
наотмашь большими гвоздями.

Был бликом на пыльной витрине
в клокочущей уличной толще,
где так легко потеряться,
да, даже под фонарями,
чей свет и липнул к стеклу,
его проявив, как пленку
с расплывчатыми чертами
небрежного негатива.

Был низколетающей птицей
с засохшей былинкой в клюве,
влача по земле свою тень
сквозь двор, где голодные кошки —
сиротки умершей бабули
из нулевой квартиры —
смотрели пристально в небо.

Андрей Николаевич Дмитриев родился в 1976 году. Живет в Нижнем Новгороде. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Полутона», «Этажи», «Артикуляция», «45-я параллель», «ДЕГУСТА.PU» и «Литература», в альманахе «Новый Гильгамеш», в журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Юность», «Prosodia», «Москва», «День и ночь», «Бельские просторы», «Байкал», «Нижний Новгород», «Гвидеон» и других.

И вот в безучастном мире,
затянута в гиблый узел,
все ищешь себя по крупнице,
по пазлу, по болтику, видя
в овале зеркальном лишь череп,
обтянутый временной кожей,
но этого все еще мало
для цельного самосознания,
а в трубку чудовище дышит...

* * *

На бравых левацких ходулях,
на хипстерских ломких носочках
вторгается литература
в пространство льняного тепла.
Встает севший свитер со стула,
растут из ноздрей правомочия,
а в небе по-прежнему хмуро,
но всем дело есть до тебя.

ГБ, Геборян, гобелены,
гандбол, Гибралтар, голубика —
так много несвязных понятий,
звучащих притом в унисон.
Ломается мир об колено
без страха оставить улики,
сбривают последние пряди,
чтоб лоб мог отсвечивать сон.

За чаем, за водкой, за просто
водой из-под медного крана
сидят удлиненные тени,
сойдясь в ритуальный кружок.
На витязе крест — перекресток,
где Клара рассталась с кораллом,
и впредь стебли сорных растений
повадились лезть на рожон.

Листаешь, читаешь, вникаешь,
гремишь опорожненной тарой
в авоське, похожей на невод,
с какой уж не ходят вразнос.
Кругом — западание клавиш,
а если заменишь гитарой,
то рвутся и струны, и нервы,
но только напрасно до слез.

* * *

Эх, машина забуксовала:
грязь да брызги, рычание да треск.
Лоскуты раскисшего одеяла
рвутся сквозь глухоту гиблых мест,
а все ж не выбраться из колдобин,
из переполненной колеи.
Тяни и толкай, уподобляй хляби сдобе
в тесте взбитой к зиме земли
и тащи из печи горячей
хлеб железный — иначе стыть
крупом вросшей в суглинок клячи
на дремучем отрезке версты.

Так враскачку из вязкой жижи —
не за волосы, как барон
Карл Фридрих Иероним, но выжав
газ и направив плеча ядро
по каналу мускульной силы,
сталь выдергивается из пут
тьмы, которую исколесили,
как ведущий вонне маршрут.
Вот и выход: отгрызли шины
мякоть глины с краев полыньи,
и опять путь разгаданным шифром
по длиннющей строке поплыл.

* * *

Не с кем молчать
о сухой неизбежности смерти,
есть только те,
с кем, бывает, входя в алкомаркет,
знаешь уже наперед, чем закончится это.
В пестром кружении лиц,
в череде беспробудных застолий —
столько присутствия вроде б
вот только участия нету.
Впрочем, участие предполагает родство,
а для компашек важнее лихое сиротство.

Не с кем молчать
о — к несчастью — возможной войне,
есть только те,
с кем с охоткою стенка на стенку,
взяв маскулинность
за высший моральный закон.

Если здесь выбор —
то это лишь выбор окопа,
что, как известно,
направлен во фронт или в тыл,
склонные, впрочем,
порою меняться местами.

Не с кем молчать
о гниющем давно на корню
дереве жизни,
дававшем ростки и волокна,
есть только те,
с кем для грубой обжарки припасов
в гиблом лесу
на растопку искать дикий хворост,
думая лишь об огне,
как о принципе круга.

Не с кем молчать,
так найдется ли с кем говорить,
есть только те,
кто готов поддержать тон беседы,
как тот огонь,
на котором кукожится суть,
следом — чернеет,
и вот уже пахнет пожаром
в доме заброшенном
с видом на новый квартал,
где перспективы рассчитаны,
как ипотека.

Тысячи людных квартир,
только точно уж не с кем молчать...

* * *

«Nirvana» сбила пафос с рок-н-ролла,
но снег идет, и провода искрят.
В горсти белеют хлопья димедрола,
и сны свистят, как пули у виска.

Кирпичный дом завешен ловчим тюлем.
Из комнаты выносят мятый плащ,
что тлел в углу в июне и в июле,
а в октябре укутал, как лаваш.

Мы повзрослели, но не стали старше
самих себя, предвзятых к седине.

Усыпан пол скорлупками фисташек
от угрызений, что наедине.

С продажных слов сплывает этикетка,
и остается только горький вкус,
увы, осознаваемый так редко,
что отмер подходящий орган чувств.

* * *

В утиль, в утиль,
не выдернув чеку,
не запалив фитиль:
само сгорит —
не говори врачу,
не ставь на вид.

Садится ворон
с края урны — он
сдаёт повторно
за семестр зачет,
но данности по-прежнему закон
им все ж не извлечен.

Кто спорил с ветром —
мачта корабля:
сырое ретро
логики сухой,
за ним и с берега следят скорбя,
коль не со скукой, вызванной тоской.

А ветер пепел
носит над землей,
и дым, как стебель,
тянется за ним.
Все это так отчетливо зимой,
когда антагонисты — снег и дым.

В утиль, в утиль —
все вянущее прочь.
Царапает береза по стеклу,
но ей уже ничем нельзя помочь.
Спускает воздух мяч с дырой в боку.